

21 ДЕК 1970

ВЕЧЕРНЯЯ УФА

С. УФА

ЕДВА ЛИ ЕГО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПОКЛОННИКИ  
СМОГУТ ОБЪЯСНИТЬ, В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ «ФЕНО-  
МЕН МАРЬЯНОВИЧА».

## «МОЙ ДРУГ— СОВЕТСКАЯ ПУБЛИКА»

Сегодня он уже не молод, как 10 лет назад, когда вдруг как-то сразу стало популярным его имя, да и голос его едва ли можно сравнить с голосами вокалистов высшего класса. На наших эстрадных подмостках каждый год появляется немало новых молодых исполнителей — «громких» исполнителей, как у нас их называют. Но они приходят и уходят, а публика остается верной ему, Джордже Марьяновичу. Так почему же все-таки? Видимо, потому, что он поет о простых человеческих радостях и пение его не западный штамп: каждая музыкально-сценическая миниатюра артиста — кусочек жизни.

Марьяновича называют у нас русским певцом. И не случайно. Позади у него — 700 концертов в разных городах СССР, десятки тысяч километров, проделанных во время турне, которые приводили его в самые отдаленные уголки великой страны. И в московском Дворце спорта, вмещающем 16.000 человек, и на стройке в далекой Сибири — всюду Джордже принимали тепло, как принимают друга.

Мы беседуем с Джордже Марьяновичем за столиком небольшого белградского кафе.

— Вдруг осознав, что нахожусь перед совершенно незнакомой мне аудиторией, я страшно испугался, — говорит певец, вспоминая свое первое выступление в Советском Союзе. Было это в Риге в 1963 году. — Но вот я спел одну песню, другую. И почувствовал, что достигнуто то, чего жадно ищет каждый выступающий со сцены, — между мною и залом протянулась та невидимая ниточка, которая накрепко связывает исполнителя и публику, превращая их в участников единого действия.

Никогда не забуду вечер в Ленинграде, когда я спел «Балладу воспоминаний», — продолжает Марьянович. — Песня была посвящена моим советским друзьям, 20-летию победы над фашизмом. Она была о миллионах людей, павших в этой борьбе. Во время исполнения песни я как-то особенно отчетливо почувствовал свою ответственность за то, чтобы никогда больше не повторилось страшное прошлое, почувствовал себя неотъемлемой частью аудитории. В ту минуту я не стыдился своих слез, как не стыдились их многие в зале...

Советский человек — слушатель на редкость чуткий, но и требовательный, — замечает Марьянович. — Он никогда не примет ложь или подделку. И вообще обстановка, в которой проходят концерты в городах СССР, вдохновляет.

Как-то раз, — вспоминает он, — я вошел в московский трамвай. Пока я ждал, когда он тронется, — это была начальная станция — заметил, что вагоновожатый читает книгу. Я заглянул в кабину. В руках у водителя был томик Золя — «Жерминаль». Потом такие случаи не вызывали уже у меня удивления: я понял, что жажда знаний, любовь к книге — одно из неотъемлемых качеств советского человека. Перестал удивляться и при виде длинных очередей за билетами в театр, на концерты. Понял, что такая публика не может быть нетребовательной. Но тем дороже ее благодарность...

Впереди у Джордже новые встречи с советскими друзьями. Он опять привезет им новые песни, многие — на русские напевы в характерной «марьяновической» обработке.

Д. МИЛОСАВЛЕВИЧ,  
югославский журналист.